

— Председательствует distinguished судья Рантнер. — говорит пристав, но едва он заканчивает говорить, как какой-то придурок прерывает его гневным криком.

«О, Чёрт возьми, НЕТ!» Через секунду я понимаю, что этот мудака — это я. Но я не позволяю этому смущать меня.

Мои глаза уже просканировали комнату, и я вижу предмет, который хочу узнать. В центре комнаты находится камень истины, устройство, которое улавливает ментальные гармоники и усиливает их так, что их легко идентифицировать. Когда камень, имеющий кристаллическую форму, светится зеленым, это правдиво, желтый — это своего рода ложь, а красный — откровенная ложь. Обычно такие камни включаются только во время процедур. Их переключатели, указывающие, включены ли они, расположены на стороне источника питания. Сосредоточив силу на различных рунах вокруг камня, их природу можно легко использовать. Мысленным движением я включаю переключатель зарядки и произношу свою импровизированную речь.

«Я отказываюсь, чтобы меня судил этот психопат, приставающий к детям».

Ярко-зеленое свечение.

В толпе воцаряется тишина, поскольку они видят, что в моих утверждениях есть правда. Используя это, я продолжаю свой импульс. Используя знания о различных вариантах будущего, а также мой настоящий статус предсказателя; Я рассказываю об этом не только толпе, но и полицейским и офицерам, которые наблюдают.

Судья пытается что-то сделать, но я продолжаю кричать.

«Я предсказатель и знаю будущее». Еще зеленый. «Я видел изображения того, что этот человек делает с маленькими детьми: он держит их запертыми в своей сексуальной темнице».

Все зеленое.

«Это ложь!» Судья кричит.

Ярко-красный.

«Выключи эту штуку». Судья требует. Он явно взволнован, но он единственный, кто хотя бы отдаленно заинтересован в том, чтобы остановить меня.

«Этот человек болен. Он похищает ваших детей, запирает их в своем секретном подвале. Затем он идет на ваши бдения, которые вы устраиваете в честь пропавших детей. Могу поспорить, он даже держит свечу в их честь, наблюдая, как родители плачут от боли».

Все зеленое.

Это правда, как я читал отчеты. Он посетил десять различных пикетов в честь похищенных им детей. Многие из этих детей были еще живы во время бдений. Меня охватывает большая волна отвращения, так как мне хочется раздавить этого человека. Чем больше я вспоминаю о его преступлениях, тем больше кипаю от ярости и гнева. Он худший злодей, лишенный души и раскаяния.

«Если ты пойдешь сейчас, то держу пари, что найдешь одного ребенка, запертого в своем секретном подвале под лестницей. С правой стороны есть секретная защелка, которую нужно потянуть, чтобы разблокировать печати. Я говорю, чем больше я говорю, тем больше на первый план в моей памяти всплывают мерзкие подробности этого монстра.

Все зеленое.

«Это не правда.»

Желтый.

Частичная правда. У него там нет ребенка? Затем до меня доходит, что он мог говорить лишь частичную правду. Либо я ошибаюсь насчет местоположения, но это не так. Или количество детей не указано. Зная будущее, я знаю факты о подземелье. Затем с тошнотворным осознанием меня осенила истина. Все наблюдают за мной, и все, что я чувствую, это желчь, подступающая к горлу, когда я думаю о последствиях. У меня кружится голова от внезапного осознания, когда я мысленно вижу не одного, а двух детей прикованных к кроватям.

«У тебя двое? Ты больной ублюдок.

Ярко зеленый.

Он молчит.

Все смотрят на него, затем снова на меня. Что касается меня, то я действительно переживаю это, истинное видение настоящего. Мне плохо, я обращаюсь к сопровождавшим меня офицерам. Слезы наполняют мои глаза, когда я чувствую боль детей: «Не могли бы вы проверить. Посмотрите, если я ошибаюсь, то ничего не произошло. Мы оправдываем невиновного человека, и оказывается, что я сумасшедший. Но если я прав, то две семьи вернут своих пропавших детей».

Все зеленое.

— Нет, ты не можешь идти.

Все зеленое, хотя технически ему было не о чем врать.

Пристав поворачивается к судье, его глаза горят праведной яростью. «Скажи мне правду, в твоём подвале сейчас есть дети?»

«Нет.»

Желтый.

Мы все смотрим на камень и размышляем. Мне нужна секунда, чтобы осознать. «Это формулировка, скорее всего, слово «подвал». Держите это в общих чертах: знает ли он о двух детях, которые заперты?

Сейчас в зале царит нервное напряжение. Как толпа, которая собиралась меня повесить, когда я вошел сюда пять минут назад, теперь, похоже, готова линчевать судью. Это хорошо, потому что даже пристав, похоже, готов убить этого ублюдка.

Услышав мои слова, пристав понимающе кивает. Не давайте монстру места для сомнений и неясностей. «Я перефразирую. Вы знаете о двух детях, которые где-то заперты?

Тишина.

Очевидно, что судья виновен, поскольку он уже сделал два шага назад. К счастью, охранники, которые должны были защищать судью от таких разгневанных обвиняемых, как я, теперь запирают судью.

«12841 Брук Лейн». Я говорю.

Зеленый.

Я чувствую, как поднимается желчь. «Пожалуйста, иди и спаси их, иначе я заболею».

Желтый.

Полуправда. Меня уже явно тошнит от видений, которым я подвергаюсь.

«Исправление, более больной». Я отвечаю, начиная хвататься за живот.

Зеленый.

Ярко света достаточно, чтобы вызвать у меня рвотный рефлекс, и я случайно снова вижу изображение двух детей. Я стараюсь не заострять на них внимание, слишком уж ужасен их образ. Я помню, как читал о том, каким ужасным был этот монстр, но находиться с ним в одной комнате и мысленно наблюдать за его действиями — это две разные вещи.

Внезапно мир закружился, и меня рвет на пол. Говорят, так происходит с вашим первым полным предвидением.

«Оооо!» Толпа, наблюдающая за мной, кричит, когда меня внезапно стошнит от снаряда.

К несчастью для меня, меня просто рвет повсюду кусочки куриных вафель кроваво-красного цвета. Не самая лучшая сцена.

«У него есть видение». — восклицает один из медиков, когда они спешат мне на помощь. Прежде чем я успеваю это осознать, сильные и нежные руки держат меня и помогают спуститься на землю..

Я дрожу, продолжая видеть видение того, что происходит с этими детьми. У меня горят глаза, и вдруг по лицу текут слезы. «Он монстр». Я справляюсь.

Зеленый.

Внезапно я рыдаю, неудержимо рыдаю.

Я видел, как уничтожались целые флоты друзей и однополчан. Я пережил бесчисленное количество событий вымирания, и все они должны были перевоплотиться. Я делал все это, зная, что чем больше я буду стараться, тем лучше я сделаю жизнь другим. Тем лучше я буду защищать тот самый институт, который позволил такому монстру, как судья Рантнер, существовать и процветать. Он был чудовищем, но приносил пользу правительству, поэтому его аппетиты оставались неоспоримыми. Пока он управлял желаемой благосклонностью, они позволяли ему делать все, что он хотел. Это был обман. Все это было притворством.

Честно говоря, мне было все равно, что случилось, не со мной. Так или иначе, я бы убил этого судью в этой жизни и в каждой будущей жизни. Я дал это обещание, которое буду соблюдать отныне и до вечности. Не знаю, как долго я оставался там на полу, судя по всему, довольно долго. К тому времени, когда я пришел в себя, к моей руке была подключена капельница с физиологическим раствором. Я огляделся вокруг, и мир закружился, когда я увидел два видения мира. Одно представляло собой зал суда, а второе — обзор комнаты, в которой находились дети.

Я пытаюсь сесть, но меня шатает. Твердая, но уверенная рука удерживает меня. Я поворачиваюсь и с ненавистью смотрю на судью.

Как раз в тот момент, когда я был готов привести в исполнение свой план самосуда, мне высказался медик, который меня лечил.

«Там легко. Не волнуйтесь, мы сейчас расследуем это».

В этот момент вспыхивает динамик. Как полицейские меняют изображение с камер и экранов, расположенных вокруг зала суда. Сцена меняется с вида внутри зала суда, где я стою в центре лужи кроваво-красной рвоты, на живое изображение офицеров, покинутых идущих к дому судьи.

«Нет, они не могут. Я не даю им на это разрешения». — с вызовом говорит судья Ратнер. К счастью, между всеми остальными в суде и судьей достаточно враждебности, поэтому его слова встречают лишь презрительные взгляды. Он пытается уйти, но его удерживают двое охранников, которые уже усмиряют его.

На экране полицейские входят в дом, и мы видим прямую трансляцию того, как они взламывают дверь. Там находится женщина, одетая в ночную одежду, и требует, чтобы они вышли.

«Там лестница, под лестницей». Я кричу вслух.

Зеленый.

Офицер, который меня сопровождал, говорит по радио, и мы видим, как все в унисон двигают головами, когда все получают приказ. Затем все как один поворачиваются к месту под лестницей. Они смотрят и видят следы износа на полу, поскольку дверь часто скользит по полу.

«У нас есть признаки какого-то дверного паза». — говорит ведущий инспектор, устно документируя свои выводы.

— Стоп, ты не можешь туда войти. Жена кричит и нападает на офицера, но ее быстро снимают с камеры, вероятно, ее подавляют.

«Мы видим признаки двери, но не видим механизма открытия». Говорит главный инспектор. Он встает, и я вижу все, чем он является. Я пытаюсь вспомнить статью, но это было так давно. Смотрю и собираюсь в панике. Затем я вижу мысленный образ монстра, судьи Ратнера, который сначала проталкивает красную полосу молдинга вниз, а затем опускает деталь вниз.

Я передаю то, что вижу. Я больше не могу видеть зал суда, потому что просто застрял в петле прошлого.

«У нас есть вход, и мы сейчас войдем». Говорит офицер.

«Мы их нашли. Двое детей примерно восьми и семи лет. Мы освобождаем их сейчас».

На моих глазах наворачиваются слезы, и я чувствую волну облегчения, нахлынувшую на меня. Я выдохнула, позволив образу в моей голове исчезнуть.

«ВАХУ!»

«АГА!»

Вокруг меня кричат от волнения люди. Я отвожу взгляд от сцен с прикованными детьми и смотрю на радостных людей. В передней части зала суда я слышу заявление, которое не так давно было использовано против меня.

«Вы имеете право хранить молчание...»

Видя, что справедливость восторжествовала, я с облегчением опускаюсь обратно.

Плоп.

Только после того, как я сажусь, я понимаю, что они так и не убрали лужу рвоты, которую я создал. Что касается того, почему мне не дали стула, я все еще стоял перед судом по сфабрикованным обвинениям.

Я смотрю на судью. Глядя на него, я помню, как просто пассивно интересовался историей его чудовищной карьеры, поскольку именно он украл мой привязанный к душе бластер из испытаний в прошлой жизни. Я знал будущее, но всегда был настолько поглощен своими делами, что упускал более широкую картину. Я посмотрел на экран, на котором было видно, как уносят двух детей, завернутых в одеяла, со слезами радости на лицах. Жену тоже арестовали. В целом это был великий момент.

Мне дали шанс измениться.

На этот раз я надел более подходящий оранжевый комбинезон, в котором все выглядели как тыквы. Каким-то образом мне все же удалось выглядеть устрашающе в таком наряде, поскольку люди, которые смотрели мне в глаза, сразу же начинали отводить взгляд. Возможно, их грызло чувство вины. Я сомневаюсь в этом. Большинство присутствующих здесь людей, вероятно, думали, что они каким-то образом отстаивают справедливость.

И все же после небольшого перерыва меня отвезли обратно в другой зал суда. Зал суда, где на полу не было рвоты. Судя по всему, моя рвота использовалась в качестве доказательства при

вынесении приговора судье Рантнеру. Рвота провидца часто допускается в суде, поскольку в ней содержатся химические вещества, указывающие на то, что она отличается от стандартной рвоты. Я слышал и читал об этой науке раньше. Использование рвоты из видения, чтобы доказать, что у провидца было видение, а не просто придумывание истории. Очевидно, чем сильнее видение, тем больше рвоты. Видимо, у меня было большое видение, или я просто много ел, потому что моя рвота разошлась повсюду.

Даже у прокурора, похоже, на штанину попала рвота. Мы встретились взглядами, и я почти увидел, как в его глазах проступает тень уважения.

Когда мы вошли, со мной заговорил прокурор. «Что бы ни случилось, знай, что мне искренне жаль». Он сказал, что это должно было быть первым признаком того, что адвокат пытается вернуть их душу. Это было бы почти мило, если бы не означало, что этот суд также был фикцией.

Как только вошел судебный пристав и произнес: «Председательствует distinguished судья Ульрих».

В тот момент, когда я увидел, как судья вошел, на моем лице появилась ухмылка.

Судья подошел к своему креслу и посмотрел мне в глаза. Я улыбнулась шире, поскольку знала кое-что, чего не следовало бы знать, по крайней мере, пока. Пока не будет выпотрошен весь состав председательствующих здесь судей. Процесс, который произойдет только через несколько лет, когда судья Рантнер украдет ребенка, принадлежащего солдату морской разведки. Тогда его впервые признали монстром, после этого было проведено расследование в отношении всех судей, которые, видимо, все прикрывали друг друга. Многие заключили сделки о признании вины, отказавшись от компромата на других судей. В конце концов только Рантнеру пришлось взять на себя вину за все, поскольку ему был приговорен к смертной казни. Всего пятнадцать из примерно двадцати судей этого округа были вовлечены в тот или иной коррупционный скандал. И этот судья, судья Ульрих, был одним из самых коррумпированных из оставшихся судей.

«Можно мне ручку и бумагу?» — спрашиваю я охранника рядом со мной.

Будучи таким, как я, я являюсь своим собственным юрисконсультom; Мне поручили несколько вещей. Самые простые – стационарные. На данный момент мой наручный коммуникатор конфискован. Но мне разрешено делать записи из юридических справочников, к которым мне также будет предоставлен ограниченный доступ. Тем не менее, мне не нужны справочные материалы.

«Вас обвиняют в...»

Пока они просматривают список сфабрикованных обвинений, я продолжаю описывать более мелкие детали того, что помню из прошлого этого судьи. Хотя он и не был таким сенсационным, как сексуальное подполье, он тоже вел незаконные дела, многие из которых

были с иностранными государствами. Достаточно сказать, что у этого человека был фетиш Эндар, а космические эльфы были редки, а их услуги стоили дорого. Поначалу ему удавалось оплачивать услуги деньгами, но когда у него начали заканчиваться деньги, он начал рэкет и позволял осуществлять незаконные игорные операции на базе и в близлежащих населенных пунктах.

Что касается меня, я просто записал несколько имен, несколько мест, несколько ключевых моментов, например, услугу оповещения.

Затем я перечислил имена его любимых космических эльфов, с которыми он мог вести переговоры. Затем я сложил листок и положил ручку, как будто закончил заполнять ответы на публичный тест.

«... Как вы умоляете?»

«Ваша честь. Если вам угодно, я хотел бы представить вам лично свою защиту». — говорю я, держа сложенный лист бумаги.

Судья на мгновение выглядел растерянным, но затем жестом предложил мне двигаться вперед. По пути я включил кристалл истины для этого зала суда, ну, в целях страховки.

Похоже, никто не заметил активации, в первую очередь потому, что я использовал для этого Телекинез.

Я передал записку со всеми компрометирующими подробностями его операций с эндарами. Затем внизу было простое предупреждение.

Откажитесь от этого суда, или я всем расскажу.

Я жду, пока он прочитает записку. Затем мы закрываем глаза. Он слегка дрожит, так как якобы обладает чарами против видения. Они были дорогими, но были необходимы, если он собирался заниматься незаконной работой прямо под носом у говорящих правду и провидцев. Но каким-то образом я оказался достаточно силен, чтобы увидеть сквозь его чары и защиту.

Его губы на секунду задрожали. Я злобно улыбнулся. Я не знаю, были ли это волосы или мои жуткие светящиеся фиолетовые глаза, которые завершили это, но он кивнул.

«С сожалением сообщая суду, что мне придется отказаться от участия в этом процессе».

ПИФ-паф.

Судья Ульрих дважды ударил молотком и быстро покинул сцену. Я отметил, что он взял с собой

мои показания. Ну что ж.

Я сохранил улыбку на лице, возвращаясь за перила, пока мы ждали появления следующего судьи. На обратном пути я выключил камень истины. Сейчас для этого нет никакой цели. У меня это было в качестве страховки, но, к счастью, это уже не так.

Я посмотрел на прокурора, который просто смотрел на меня с изумлением. — Что ты ему показал? — наконец спрашивает он, любопытство берет над ним верх.

Я просто улыбаюсь: «Да ладно, шантаж работает, только если держать это в секрете». Я стреляю в ответ.

— Вы только что признались, что шантажировали судью?

«Мне? Нет. Я просто высказал нелогичность, которую вы приняли за истину. Я ответил. К счастью для меня, я не забыл выключить камень истины.

«Все встают. Проживает distinguished судья Блэкстоун. В дверь вошла женщина с темными волосами и кожей. У нее был поспешный взгляд, как будто она не ожидала оказаться здесь.

Поскольку нам разрешили расслабиться, судья сразу приступил к работе, рассматривая детали дела.

«Итак, позвольте мне сказать прямо: вы были частью группы, которая проснулась вчера, это правильно?» — спрашивает судья, совершенно упуская из виду, что это суд-кенгуру.

«Да.»

Зеленый.

Судя по всему, сейчас кто-то снова включил камень для разбирательства.

«С этого момента на вас напал инструктор, которого вам удалось не только остановить, но и перенаправить в безопасное место. Затем вы выдержали методы допроса инквизитора четвертого уровня. Затем вам удалось в одиночку справиться с целой командой спецназовцев, а также запечатать их силы. Оттуда вы пришли сюда, создавая всевозможные неприятности. У меня было видение судьи, который будет председательствовать над тобой как над монстром. Где вы арестовали его за преступления, за что я лично благодарен, заметьте. Затем вы переходите к передаче доказательств

второму судье, который немедленно отказался от своей должности судьи по этому делу. Я все это понял, верно?

Я делаю паузу, затем понимаю, что она пропустила часть о пяти головорезах в закуской, но решаю пока оставить эту часть.

«По большей части.»

Зеленый.

«Я предупреждаю вас, что вы обнаружите, что я не похож на своих коллег». Она говорит, имея в виду своих коллег-судей, которые должны были председательствовать по этому делу.

Зеленый.

«Я знаю. К тебе у меня нет ничего, кроме моего бессмертного уважения. Я не вижу в твоём будущем ничего, кроме великих свершений. Вы будете маяком надежды. Честно говоря, я горжусь тем, что получил возможность встретиться с вами в действии». Я заявляю для протокола.

Зеленый.

Это правда, это все правда. Судья Блэкстоун является опорой общества и помогает восстановить доверие общества к своей судебной системе.

Судья кивает сама себе. «Я так понимаю, цвет волос и глаз тоже был частью твоего процесса Пробуждения?»

Я киваю. — Да, были, мэм.

«Какое-то особое значение?» Она спрашивает.

«Да.»

Зеленый.

«Заботиться, чтобы поделиться?»

«Нет.»

Зеленый.

«По закону вы защищены от действий, которые вы совершили во время Испытаний

Пробуждения, вы это знаете, верно?»

«Да.»

Зеленый.

Она кивает сама себе, затем на секунду размышляет. «Похоже, у тебя был адский день. Здесь перечислено несколько преступлений против вас. Я думаю, похоже, что ты должен был заключить какую-то сделку о признании вины.

Зеленый.

Я киваю. Я как бы предполагал, что это произойдет. «Я не буду признавать себя виновным. Хотя я бы согласился на должность офицера». Я признаю.

Она делает паузу, кладет руки друг на друга и смотрит на меня. «Молодой человек, когда я смотрю на вас, я вижу гордого и честного человека. Один из столпов, из которого можно было слепить великого солдата. Тогда скажи мне, почему ты изначально решил отказаться от статуса кандидата в офицеры?

Услышав эти слова, я киваю. Затем я решаю рассказать правду, которая будет использована, чтобы скрыть реальность моей ситуации. «Мои времена на испытаниях были не похожи на другие. Когда я впервые вошел в Испытание, у меня были потоки воспоминаний о том, что можно было бы назвать возможным будущим. В этих видениях я вспоминал, как всегда ходил в армию и всегда ужасно умирал. В то время я думал, что идти в армию — это плохо, что мне суждено пережить только те ужасные смерти, свидетелем которых я стал».

Зеленый.

Уф. Я был рад, что все прошло без сучка и задоринки. Было несколько раз, когда я достаточно уклонялся от истины. Выпустив эту часть, я продолжил. «Вот почему я попытался уйти, вернуться к своей старой жизни и начать все заново. Я знал, чего не следует делать, но на самом деле я не знал, что делать, чтобы избежать ужасной участи, которая, как я знаю, уготована мне. Поэтому я запаниковал и ушел, думая, что снаружи смогу добиться большего, чем внутри. С тех пор я осознал свою ошибку».

Зеленый.

«Ошибка?»

Я киваю и позволяю душевной печали наполнить мой взгляд. «Теперь я знаю, что я слишком силен, чтобы меня можно было отпустить. Что мне, вероятно, понадобится более сильная структура поддержки, которая поможет мне поддержать меня, пока я адаптируюсь к своему

новому уровню силы».

Эта последняя часть верна только из-за дурацких серебристых волос, которые делают меня невероятно более могущественным, чем я когда-либо был в прошлой жизни.

«Что бы вы сделали, если бы пошли в армию?»

«Пилот-истребитель, полевой боевой оперативник, специалист по эвакуации, пилот-разведчик, механик и боевой медик».

Зеленый.

«Думаешь, ты сможешь сделать все это?» — спрашивает она с небольшим скептицизмом в голосе.

«Я знаю что могу.»

Зеленый.

Задумавшись, она на мгновение посмотрела на светящийся зеленый камень. — По крайней мере, похоже, тебе не хватает убежденности. Скажи мне, ты обещаешь делать то, что всегда правильно, в меру своих способностей? Продвигать демократию и выполнять законные приказы, данные вам вашим начальством?»

«Я делаю.»

Зеленый.

Увидев это, она кивает сама себе. «Тогда очень хорошо. Я не вижу смысла продолжать это зрелище дальше. В свете вашего недавнего героизма по очистке одного коррумпированного судьи от этого округа, я настоящим условно снимаю все эти обвинения при одном условии. Что вы зарегистрируетесь и будете защищать это правительство как военный офицер. Что ты говоришь?»

«Я буду.»

Зеленый.

С этими словами она кивает. «Хорошо, дело закрыто».

Бум. Бум.

Молоток дважды упал, затем она жестом пригласила консультанта по вопросам карьеры подойти и поговорить. Говорил вам, что это было частью их плана с самого начала. Хотя мне нравилась идея не иметь сильного вооружения на службе, я все равно выбрал этот путь.

«И еще, мистер Голдман. Хочу сказать, знайте, что я буду внимательно следить за вашей карьерой. Я ожидаю от тебя многого».

Зеленый.

Я улыбаюсь в ответ и отвечаю честно. «То же самое с вами. Пожалуйста, сделай то, на что, я знаю, ты способен».

Зеленый.

Она остановилась и посмотрела мне в глаза. «Мальчик, мне бы очень хотелось узнать, что ты видел в этом испытании Пробуждения».

«Нет. Нет, ты бы не стал. Ты бы правда не стал. Говорю так, как помню все ужасы и предательства, которым суждено произойти».

Зеленый.

Она посмотрела на камень, затем снова кивнула сама себе. «Возможно, вы правы. И всё равно не позволяй мне больше видеть тебя в моём зале суда. В следующий раз я не буду таким снисходительным».

Красный.

Я улыбаюсь, потому что она даже себе не поверила.

«Выключите эту штуку. Мы тратим деньги налогоплательщиков». Она стреляет в ответ судебному приставу. Когда он собирается выключить камень истины, она снова смотрит на меня. Когда она уходит, на ее лице появляется улыбка. Что касается меня, мне предстоит заполнить гору документов, которые сделают меня полностью зарегистрированным кандидатом в офицеры Космических сил Объединенного Альянса.

<http://tl.rulate.ru/book/121991/5117353>